

ГРУЗИЯ ОСТАНОВИТЬСЯ

“Земля грузин, ты так мала!
Не тыщеверстным протяженем
могуча ты, — а притяжением и человека, и орла”.
Евгений ЕВТУШЕНКО.

РОССИЯ ОГЛЯНУТЬСЯ

“Россия защитила нашу страну
от безысходности и разорения...”

Илья ЧАВЧАВАДЗЕ.

Распространяется бесплатно.

ЯНВАРЬ 2022 г. №4 (10)

ГЕНЕРАЛ, ПОЭТ, ГОСТЕПРИИМНЫЙ ХОЗЯИН ДОМА В ШИНАНДАЛИ

Стр.3,6.

Однажды и моя слеза
В ту чашу —
и не пропала

Стр.8.

чупала
потому

ВОЕННО-
ГРУЗИНСКАЯ
ДОРОГА,
СОЕДИНЯЮЩАЯ
БЕРЕГА

Стр.7.

ОТВАЖНЫЕ БРАТЬЯ С НЕПРИВЫЧНОЙ ФАМИЛИЕЙ

Стр.2.

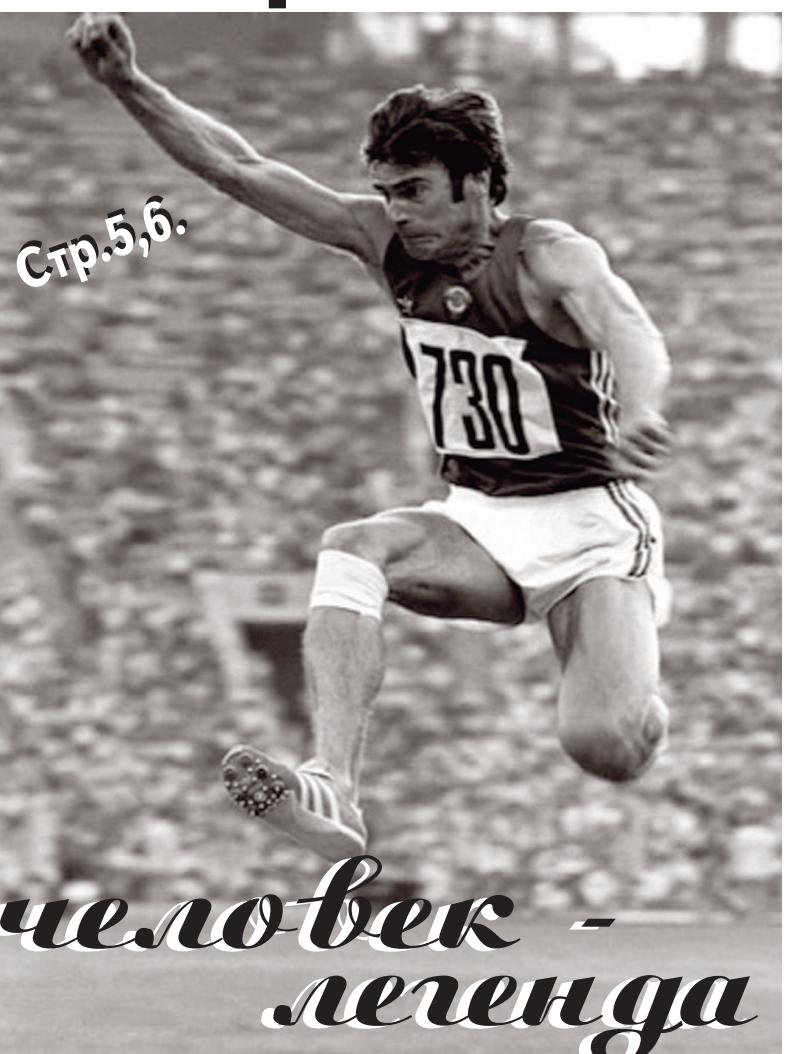

ЧЕТЫРЕ ДНЯ В ТИФЛИСЕ

Стр.4.

Виктор САНЕЕВ:

человек -
легенда

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

Кто такой Евграф Грузинов? Вот строки из биографии: родился 17 августа 1877 года в селе Голыгино под Сергиевым посадом, окончил Вольскую военную школу (1895), Тифлисское пехотное юнкерское училище (1899) и Офицерскую школу авиации (Севастополь) (1912).

Первую мировую Евграф Грузинов встретил в звании штабс-капитана и в должности начальника 14-го корпусного авиационного отряда.

Журнал "Нива" 15 апреля 1915 года писал о его подвиге: "По показаниям пленных австро-венгерских, штабс-капитан Грузинов, будучи ранен при обстреливании его аппарата австро-венгерскими войсками и не надеясь улететь, дабы не отдать аппарат противнику разбил его о землю и погиб в обломках".

15 апреля 1915 г. Е.Е.Грузинов был посмертно награжден орденом Св. Георгия 4 степени. В порядке очереди по старшинству Е.Е. Грузинов был 108-м русским летчиком.

Брат Евграфа Евграфовича, штабс-капитан Алексей Грузинов был выпускником той же школы и также имел репутацию лихого пилота. Его послужной список гласит: "Грузинов Алексей Евграфович. Штабс-капитан 3-го пехотного Нарвского полка. 30 марта 1913 г. сдал экзамен на звание "военный лётчик". 13 апреля убыл в службу связи Балтийского моря. Получил диплом пилота авиатора за № 256 от 11 июня".

В книге Мирона Дольникова "Икарь российского неба" рассказывается, как он пролетел на гидросамолёте под всеми мостами на Неве и облетел купол Исаакиевского собора с последующей посадкой на водную гладь. Впоследствии, как мы помним, подобный же головокружительный полет под мостами, но уже в Москве, совершил прославленный советский летчик Валерий Чкалов.

Во время Первой мировой войны Алексей Грузинов служил морским лётчиком на Балтике. В 1917 году его командировали инструктором в авиашколу в Баку. Дальнейшая судьба Алексея Евграфовича неизвестна...

Третий брат, полковник Александр Грузинов, также оставил след в истории: в 1914 году, с началом Первой мировой войны, он, отставной артиллерист, вновь встал в строй. Во время Февральской революции явочным порядком возглавил Московский армейский гарнизон, а после большевистского переворота ушёл на Дон, где и сложил голову.

Село Голыгино, откуда родом были бравые воины, числилось за наследниками легендарного штаб-ротмистра Евграфа Афанасьевича Грузинова — потомка знаменитого казачьего рода, чей отец вместе с братьями попал в жестокую опалу при императоре Павле I, но, прежде чем живописать перипетии непростого жизненного пути Грузиновых-старших, расскажу о происхождении столь непривычной для русского уха фамилии.

Итак, в 1728 году на Дону, в станице Старочеркасской поселился с семьёй пришлый из Имеретинского царства — одного из трёх, образовавшихся в конце XV века самостоятельных грузинских царств — Романоз Намчевадзе с семьёй. Сын Романоза Осип

ОТВАЖНЫЕ БРАТЬЯ С НЕПРИВЫЧНОЙ ФАМИЛИЕЙ

17 августа 1914 года, во время разведывательного полета в Восточной Пруссии (район Быхава-Люблино), будучи раненным в воздухе и не желая попасть в плен к противнику, русский летчик Евграфович Грузинов бросил свой поврежденный аэроплан на вражеские позиции, тем самым положив начало таранам наземных целей. В годы Второй мировой войны подобный подвиг, как мы помним, совершил отважный советский летчик Николай Гастелло, удостоенный звания Героя Советского Союза.

(Иосиф) женился на казачке Афанасьевой, которая родила ему четырёх сыновей: Евграфа, Петра, Романа и Афанасия. Новоявленных казаков за непроизносимую фамилию отца записали в церковной книге Грузиновыми, отсюда и пошёл их род.

Старший из братьев, Евграф (родился в Черкасске в 1769 году) быстро прошел путь от рядового казака до старшины. В период русско-турецкой войны 1787-1791 годов сражался с татарами на Кубани. В послужном списке Евграфа Иосифовича появилась запись команда, что "во всех бывших с неприятелем сражениях поступал он с неустрашимою храбростью".

Брат Евграфа, Петр, в эти годы отличился в штурме Очакова (1788 г.) и Измаила (1790 г.). За это он получил золотой крест и орден Святого Георгия Победоносца IV степени.

Сам Евграф Иосифович в боевых действиях регулярной армии участия не принимал, в 1793 году с особой казачьей командой, которой предстояло нести службу при высочайших особых, он попал в Петербург, где начал службу при наследнике российского престола Павле Петровиче — сначала в чине полкового есаула, а затем был последовательно произведен в чины войскового старшины и майора.

После воцарения Павла в 1796 г. был произведен в подполковники и принял под свою команду два эскадрона лейб-гвардии гусарского казачьего полка.

В дни коронационных торжеств, а именно 14 апреля 1797 г., Е.О. Грузинов был произведен в полковники и награжден вновь учрежденными орденами Св. Анны II и III степеней.

Блестящая карьера, не правда ли? Прошу отметить — удостоившемуся особого расположения монарха полковнику всего 28 лет отроду. Но в скором времени в поведении полковника Грузинова были замечены некоторые странности, если не сказать большего: он перестал регулярно, как того требовала православная церковь, посещать храмы, отказался принять дар государя — десять тысяч десятин земли с одной тысячею душ крепостных крестьян, мало того имело место прямое неподчинение — отказ выполнить государев приказ силами своего эскадрона подавить бунт крестьян Шлиссельбургского уезда. Это фрондирование привело к тому, что Евграф оказался в каземате Ревельской крепости. После отбытия "ревельской опалы" Грузинов был возвращен в столицу и включен в свиту Павла I. Однако уже в начале сентября после фактического отказа исполнять служебные обязанности и появляться при дворе государя последовал указ об исключении полковника из лейб-гвардии казачьего полка и ссылке его "на Дон с фельдъегерем".

Хотя в рукописях опального полковника не упоминается о форме правления в России, но было совершенно ясно: "самодержавного государя он не признает законным государем". Это что касалось предполагаемого милюстройства. А кроме того полковник Грузинов открыто негодовал на захват русскими Приазовского края, считая его исконным владением донских казаков. Протестовал против заселения его пришлым людом. Он так же отказывался признавать себя поддан-

ным Русского императора и утверждал, что "все Донские Казаки независимы от царского престола и не обязались перед ним вечною присягою, а только временно относительно службы" ...

Следя, однако, ничего подозрительного в поведении Евграфа не выявила. Он и прибывший вслед за ним в Черкассы брат Петр жили "тихо и добродорядочно"... Но, видимо, слишком уж тихо, чересчур уж добродорядочно, что и насторожило атамана, который распорядился произвести у Грузиновых обыск, результаты которого ошеломили власти: Евграф с братом заподозрили запрещенные книги, прежде всего "Опыты" Монтеня, размышляли о жизни народов мира, о судьбе Дона и России. Кроме того в столе Евграфа полиция обнаружила крамольные "бумаги, написанные вчерне". В тот же день оба брата были арестованы.

Для следствия и суда над братьями Грузиновыми специальным приказом войскового атамана Орлова была образована военно-судная комиссия. К судебному разбирательству приступили 13 августа 1800 года.

Записки Евграфа Грузинова повергли дознавателей в ужас, ибо были они проникнуты желанием их автора "все усилий и всеуможить счастье". При этом не свое личное счастье имел в виду Грузинов, а счастье "всех народов, живущих под солнцем". Для осуществления этой идеи Евграф Осипович предлагал сформировать из казаков и подневольных народов Российской империи "ратмену" в двести тысяч человек, а из страны изгнать всех политических шпионов.

В столице нового государства, которую Грузинов собирался основать на юге России, он хотел учредить сенат, как высший орган законодательной власти. Этот сенат и должен был принять закон "для всех под солнцем живущих народов, так чтобы он и был принят всеми и содержим, и чтобы все оному обучались и его знали наизусть и по оному поступали бы".

По мнению Евграфа Иосифовича Грузинова жизнь в новом обществе должна была строиться на основе разумного законодательства. В этом обществе раз и навсегда должна была исчезнуть вражда между народами и утвердиться свобода слова, вероисповедания, союзов.

Хотя в рукописях опального полковника не упоминается о форме правления в России, но было совершенно ясно: "самодержавного государя он не признает законным государем". Это что касалось предполагаемого милюстройства. А кроме того полковник Грузинов открыто негодовал на захват русскими Приазовского края, считая его исконным владением донских казаков. Протестовал против заселения его пришлым людом. Он так же отказывался признавать себя поддан-

ным Русского императора и утверждал, что "все Донские Казаки независимы от царского престола и не обязались перед ним вечною присягою, а только временно относительно службы" ...

Отвечая на упреки следователей о нарушении законов, Грузинов заметил, "что и в законах есть много лишнего", чем подвергал сомнению основу государственного порядка и фундамент имперских дисциплинарных практик — законодательство. Скупые и предельно лаконичные ответы полковника на допросах вызывали полное недоумение следователей, которые характеризовали его слова не иначе как "гнусные и мерзкие браны, от которых одной мысли содрогается сердце каждого верноподданного".

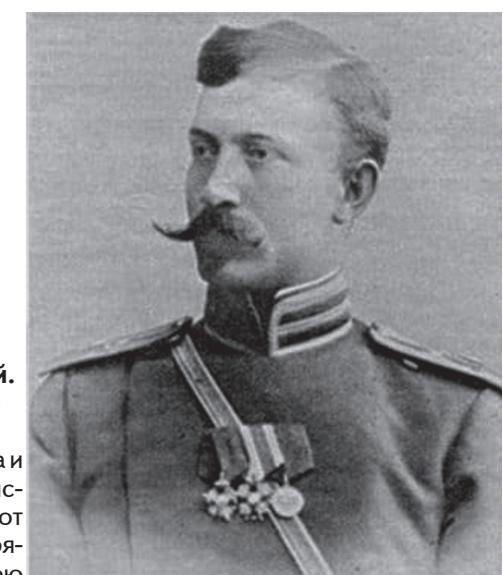
Показательно, что Грузинов не выступал непосредственно против Павла I или российского самодержавия (хотя и имелись показания казака И. Колесникова, что полковник в горячности "ругал матерно самого государя императора"), а был в большей степени противником самой государственной идеи эпохи Просвещения. Потому-то дело по обвинению Грузинова и имело заголовок "За недоброжелательное отношение к государственному монарху Е.И. Грузинов выразил тем, что на допросах упрямо не признавал себя подданным царя "с присовокуплением к тому нелепых воображений".

Человек с такими политическими и общественными взглядами не мог существовать в условиях самодержавия, поэтому 26 августа 1800 года император Павел Первый подписал указ, в котором приказал "исключенному полковнику Грузинова за измену против нас и государства наказать нещадно, а имение отписать в казну".

5 сентября 1800 г. Евграф Иосифович Грузинов был выведен на эшафот, сооруженный на площади Черкассы. Место наказания было окружено строем казаков. После оглашения приговора, в знак позора, над головой приговоренного была переломлена шпага, и палач приступил к экзекуции. Если верить дневниковой записи очевидца — священника В. Рубашкина, — Грузинову было нанесено более четырёхсот ударов кнутом. Спустя час он скончался.

Осужденный так и не признал себя виновным и отверг все обвинения. Более того, полковник отказался от исповеди, заявив протопопу черкасского Воскресенского собора Петру Федорову, "что он нимало не грешен, а потому исповедь ему приносить не о чём". Священник, донося об этом следственной комиссии, заметил: "...по всем его словам выходит один ужас".

Месяц спустя на Сенном базаре Черкассы состоялась казнь Пет-

ра Грузинова. После наказания кнутом ему вырвали клещами ноздри и раскаленным железом на лбу и щеках выжгли клейма. Некоторое время спустя его не стало.

После смерти Павла Первого наследник император Александр Павлович указом от 9 апреля 1801 года возвратил имя полковника Грузинова, "состоящее в городе Черкассе", его младшим братьям Роману и Афанасию, которые были возвращены в гвардию, дослужились до больших чинов и дожили до глубокой старости. У Романа детей не было, а у Афанасия осталось большое потомство, вот его внуками и являлись герои Первой мировой, отважные братья Грузиновы-Намчевадзе - Евграф, Алексей и Александр.

"Дело братьев Грузиновых" не раз получало освещение в русской и грузинской историографии. Так, в дореволюционный период широкое распространение получила оценка, согласно которой братья-казаки грузинского происхождения оказались жертвами заговора, направленного на изоляцию и уничтожение людей наиболее преданных императору Павлу I.

Деятели эмигрантского "вольноказачьего движения" полагали Е.И. Грузинова казаком, отдавшим жизнь "за сепаратное начальство, за сепаратный дух".

В советской историографии братья Грузиновы и, прежде всего, старший из них Е.О. Грузинов представляли уже в образе народных заступников, противников царского деспотизма и тирании самодержавного государства. В данной традиции Е.О. Грузинов — предтеча декабристов, а его мировоззрение и общественно-политические взгляды считаются продуктами "непосредственного влияния революционной идеологии А.Н. Радищева".

Постсоветский период развития представлений по этому вопросу отмечен попыткой рассмотрения "дела братьев Грузиновых" в общем контексте правительственно-политической политики в отношении донского казачества в годы царствования Павла I.

Моё скромное мнение: "Зловредные бумаги" Грузинова в большей степени представляют собой умозрительную утопию, близняшку "Города солнца", которая представляет автора-мученика эрудированным офицером, мечтателем, "очарованным странником", сторонником традиционных казачьих ценностей. Можно представить Евграфа Иосифовича Грузинова и как человека, значительно, на три-четыре столетия опередившего свое время...

Отар ВАКЕЛИ.

ГЕНЕРАЛ, ПОЭТ, ГОСТЕПРИЙЧИЙ ХОЗЯИН ДОМА В ЦИНАНДАЛИ

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Биография семейства князя Александра Чавчавадзе, прославленного генерала, поэта, общественного деятеля, будущего тестя поэта Александра Грибоедова, обращает на себя внимание многочисленными необычными, можно даже сказать, трагическими обстоятельствами, хотя поначалу складывалась вполне благополучно. Впрочем, расскажем по порядку.

Грузинская дворянско-княжеская знать, воспитанная на боевых традициях родной страны, эмигрируя в Россию, из всех других профессий предпочитала службу в армии. Не составлял исключения и Александр Гарсеванович Чавчавадзе, видный военный, государственный и общественный деятель. Родился он в 1786 году в Петербурге. Его отец, как известно, долгие годы был полномочным министром грузинских властителей при русском дворе, исполнял обязанности послы царей Ираклия II и Георгия XII в России, в 1783 году именно он подписал со стороны Картли-Кахетинского царства Георгиевский трактат.

На берегах Невы провел Александр детство и юность, учился там в одном из лучших пансионов. Нелишне также напомнить, что он был крестником императрицы Екатерины Второй.

С 1795 по 1799 годы А.Чавчавадзе воспитывался в одном из лучших частных пансионов Санкт-Петербурга, потом в Пажеском корпусе, а затем был увезён в Тифлис, где продолжал своё образование под надзором отца, по отзывам современников — одного из умнейших людей того времени.

В 1804 году, когда в Грузии вспыхнуло восстание против русского царизма, молодой князь Александр бежал из родительского дома и вместе с некоторыми другими грузинскими князьями присоединился к царевичу Парнавазу, сыну царя Ираклия II, поднявшему знамя восстания под Ананури.

Восстание, однако, было скоро подавлено, царевич Парнаваз разбит и взят в плен со всеми свитою, в числе которой был и молодой князь Чавчавадзе. 2 февраля 1805 года над всеми участниками восстания была учреждена главнокомандующим князем Цициановым «секретная следственная комиссия для открытия виновников возмущения», относительно же князя Александра Чавчавадзе, по ходатайству самого же Цицианова, наказание ограничилось «трёхлетним содержанием в Тамбове».

30 ноября 1805 года Александр Чавчавадзе под конвоем из офицера и двух казаков был отправлен из Георгиевска в Тамбов, куда вскоре вынужден был переехать на жительство из Грузии и отец его — князь Гарсеван.

Пребывание князя Александра в Тамбове было непродолжительным: в том же году высочайшим повелением он определён был в Пажеский корпус, из которого и выпущен в 1809 году подпоручиком в лейб-гвардии гусарский его величества полк.

Жизнь в Петербурге была насыщенной и интересной. Моло-

дой Чавчавадзе вращался в том кругу представителей высшего столичного общества, которое дало России немало передовых деятелей.

Александр Чавчавадзе являлся одним из образованнейших людей своего времени, сведущим в гуманитарных, естественных и военных науках. Кроме русского, он получил хорошее домашнее грузинское образование, знал иностранные языки. По возвращении в 1811 году в Грузию он прослужил некоторое время главнокомандующим на Кавказе, но мирная жизнь продолжалась недолго. Александр Чавчавадзе явился активным участником антинааполеоновских походов 1812, 1813, 1814 годов, послуживших для него прекрасной образовательной школой и давшей возможность в совершенстве изучить немецкий и французский языки. При взятии Парижа грузинский князь был адъютантом генерал-фельдмаршала Барклая-де-Толли. После реставрации Бурбонов, в 1815–1817 годах служил в русском оккупационном корпусе. Награждён орденом Почётного легиона.

30 ноября 1805 года Александр Чавчавадзе под конвоем из офицера и двух казаков был отправлен из Георгиевска в Тамбов, куда вскоре вынужден был переехать на жительство из Грузии и отец его — князь Гарсеван.

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

лов. Отчасти именно вследствие его энергичного протеста осуществление задуманного и было отложено на неопределённое время.

Ввиду таких результатов следствия главнокомандующий барон Розен и отнёс его по виновности в докладе военному министру Чернышёву к седьмой категории лиц, виновных в заговоре (из восьми возможных). По этому докладу, 1 ноября 1833 года, был вынесен приговор о ссылке Чавчавадзе на жительство во все тот же Тамбов. Здесь он однако пробыл недолго: в 1834 году император Николай I вызвал его в Санкт-Петербург, пригласил ко Двору, обласкал и дозволил в 1837 году снова вернуться в Тифлис.

В 1838 году в Ахалцихской провинции началась эпидемия чумы, и на Чавчавадзе была возложена ответственная обязанность главного начальника над всеми существующими кордонными линиями вокруг Ахалцихской провинции. Чавчавадзе ревностно принялся за выполнение своей миссии, и действовал всюду, по отзыву наместника Головина, настолько хорошо, что обеспечил возможность прекращения распространения заразы. Вплоть до конца 1840 года Чавчавадзе исполнял должность председателя Комиссии по предохранению Кавказского края от чумы.

По мере того как Чавчавадзе приобщался к русской культуре, он стал различать, что существует передовая, пушкинская Россия и Россия чиновничья, реакционная; стал понимать, что сближение с Россией имеет для Грузии большое культурно-просветительное значение. Если отец поэта Гарсеван был в свое время поборником политической связи Грузии с Россией, то сын его Александр многое сделал для духовного сближения грузин с прогрессивной частью русского общества, способствовал укреплению дружбы русского и грузинского народов. Двери его гостеприимного дома в Цинандали были широко открыты для передовых людей Грузии и России. В салоне А. Чавчавадзе, в этом очаге грузинско-русской культуры, бывали поэты Григорий и Вахтанг Орбелиани, Николоз Баратшвили, философ, просветитель, писатель Солomon Додашивили и многие другие интеллигенты-грузины. С ними

Стр. 6.

варительном дознании в деле оказался замешанным и князь Александр Гарсеванович, как несомненно осведомленный, во всяком случае, о заговоре и не донёсший о нём.

Арестованный 29 декабря, он на допросе упорно отрицал свою виновность и говорил, что даже и не знал о существовании заговора. Это запирательство сильно повредило ему, так как из показаний других участников заговора с несомненностью обнаружилось, что о готовившемся восстании ему сообщил, по поручению заговорщиков, его шурин, князь Луарсаб Орбелиани, но он не только отказался от активного участия в заговоре, а всеми силами старался отговорить и других и доказать им всё безумие их замыс-

На снимках: Александр Чавчавадзе; Дом-музей А.Чавчавадзе в Цинандали; Нина Чавчавадзе в юности; Екатерина Чавчавадзе.

Особенность творчества известного российского и грузинского журналиста Бесика Пипия — строгий документализм. Чуть ли не каждый эпизод его очерков подкрепляется цитатами из исторических документов, свидетельствами очевидцев, публикациями в прессе. Не составляет исключения и рассказ автора о пребывании в Грузии российского императора Николая II в 1914 году.

Словно предчувствуя приближение грозных событий на русско-турецком фронте, император Николай II в декабре 1914 года предпринял поездку на Кавказ, чтобы посетить действующую Кавказскую армию и лично воодушевить ее на борьбу с вековым врагом — Турцией.

Императорский поезд прибыл в Тбилиси, где находился штаб Кавказской армии, около полуночи 26 ноября 1914 года. Генерал-майор Дмитрий Дубенский, сопровождавший царя в поездке, пишет: “Посещение царем Тифлиса, сердца Кавказа, вызвало неописуемый восторг населения всего этого обширного края. Столица Кавказа задолго до прибытия государя готовилась к торжественной встрече... Улицы, площади и здания были разукрашены. Воздвигнуты были триумфальные ворота. Гирлянды зелени, множество ковров и материи национальных цветов, красиво переплетаясь, создавали необыкновенную яркую картину убранства. Даже обыватели далеких окраин с трогательной заботливостью украшали свои дома и заборы коврами”.

Выходя из вагона, Николай II поприветствовал многочисленных встречающих, принял хлеб-соль, сел в автомобиль и в сопровождении конвоя направился в Сионский собор. Здесь государя встретило православное духовенство во главе с архиепископом Питиримом, экзархом Грузии. При входе в храм царь приложился к кресту и принял окропление святой водой. В приветственной речи архиепископ обратил внимание императора на то, что крестоносная Грузия является уделом Преблагословленной Девы-Богородицы, на этой земле проповедовали святые апостолы Андрей Первозванный, Симон Кананит, равноапостольная Нина.

“Пусть же Всвятая Небесная воительница Пречистая Богородица Сама, крестом Сына Своего, — сказал Питирим, — благословляет царственные подвиги Вашего императорского величества, как благословила Она некогда святую Нину на великий подвиг завоевания Христом воинственного Кавказа”.

Выслушав приветствие, Николай II, “соторвив земной поклон, изволил прикладываться к святой иконе Сионской Божией Матери и кресту из виноградных лоз, перевязанных волосами св. Нины... После этого владыка экзарх поднес государю-императору иконы: Иверской Божией Матери и Св. великомуученика Георгия от объединенного русского и грузинского духовенства экзархата”.

С ВИЗИТОМ НА КАВКАЗ ЧЕТЫРЕ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ДНЯ: “ПОГОДА В ТИФЛИСЕ БЫЛА ТЕПЛАЯ И ДИВНАЯ”

украшены флагами и коврами, а вечером иллюминированы.

“В блестящем собрании были и военные мундиры, и фраки, и красивые туземные костюмы, и светлые туалеты дам, — читаем в воспоминаниях Дмитрия Дубенского. — Государь император обошел все помещение, удоставив многих приглашенных милостивыми вопросами и слушая музыку. Затем Его величество изволил пройти в комнату, где был сервирован царский стол”.

Губернский предводитель Коте Абхази преподнес Николаю II громадных размеров турецкий рог, оправленный в старинное серебро, с надписью по-грузински: “Великому государю нашему — грузинское дворянство, 28 ноября 1914 г.”. Затем Коте Абхази

“26-го ноября. Среда.

Встал чудным солнечным утром. Оба хребта гор видны были отчетливо справа и слева. Утром вошел в поезд ген. Мышилаевский, кот. я принял. В 11 час. прибыл в Тифлис. Граф Воронцов был нездоров и потому графиня встретила на станции с придворными дамами.

Почетный караул от Тифлисского воен. уч. и начальства. Поехал с Бенкендорфом в моторе; в одной черкеске было тепло. Народа на улицах была масса. Конвой Наместника сопровождал впереди и сзади. Посетил древний Сионский собор, Ванский армянский собор и Суннитскую и Шиитскую мечети. Там пришлось подыматься и спускаться по крутым узким извилистым улицам старого живописного Тифлиса. Порядок большой. Приехал во дворец после часа.

Побывал у графа и позавтракал с графиней, Бенкендорфом, Войцехом, Дм[итрием] и Павлом Шереметевыми. Днем посетил три лазарета с ранеными: армянского благотворительного общ., купеческого общ. и судебного ведомства. Вернулся во дворец около 6 час.

Писал телеграммы. Обедал в том же составе. Около 10 час. вошли с улицы грузины с инст-

имени Аликс тут же в залах, где работала масса дам. Затем посетил Тифлисский кадетский корпус и реальное училище, в которых были собраны ученики и ученицы других заведений. Вернулся во дворец в 4 1/4; а в 5 час. отправился в дом умершего купца Сараджева на чашку чая дворянства. Видел много старых знакомых дам и несколько очень красивых. Пел и играл грузинский хор. Пробыл там час с четвертью и приехал домой около 6 1/2. Принял Войцеха и занимался. После обеда слушал с большим удовольствием замечательный хор певчих казаков конвойного наместника с старым Колотильским. Была короткая пляска.

29-го ноября. Суббота.

Утром принял всевозможные кавказские депутатии. Посетил епархиальное училище и Тифлисское военное училище. Батальон юнкеров видел на плацу. Погода была дивная и теплая. После завтрака принял католикоса Кеворка всех армян. Затем у гр. Воронцова был доклад по военным действиям.

Погулял полчаса в саду. В 5 час. поехал на чашку чая к городскому управлению; все происходило по вчерашней программе. Масса очень любезных дам наперерыв старались уговаривать меня. В 6 1/2 вернулся и посидел с Воронцовыми до обеда. В 9.20 выехал из дворца с конвоем. Очень тепло проводил меня Тифлис; графиня Воронцова с дамами на станции. В 9.45 поезд тронулся дальше...

Прощаясь с провожающими, Николай II сердечно поблагодарил “весь грузинский народ за выраженные мне чувства любви и преданности, в искренности которых я не сомневался. Господь Бог, быть может, приведет снова посетить Кавказ вместе с Ее Величеством и моей семьей. Передайте мою искреннюю благодарность населению”. Император пожаловал 25000 рублей для раздачи по усмотрению своего наместника бедным, а также лицам, впавшим в нужду вследствие военных действий.

После Тбилиси император отбыл в Карс, затем побывал в Саракамыше. Встречался с войсками Кавказской армии, для которой прибытие самого царя в прифронтовой район имело важное психологическое значение и вызвало в их рядах огромный подъем морального духа. Спустя несколько дней после приезда императора началась кровавая схватка с неприятелем, завершившаяся победой. Вот как сообщали об этом газеты: “22 декабря 1914 года, в 5 часов вечера, определилось поражение 9 и 10-го турецких корпусов под Саракамышем. Командир 9-го корпуса Исхан-Паша, три начальника 17, 28, 29-й дивизий и два заместителя начальников дивизий со своими штабами, более сотни офицеров и тысячи нижних чинов взято в плен. В упорном бою под Ардиганом и Саракамышем турки потерпели полное поражение”.

Бесик ПИПИЯ.

Император в автомобиле проезжает по Тифлису.

Эскорт автомобилей, сопровождающий императора в поездке по городу, у Ванского собора.

подал императору бокал с кахетинским вином и провозгласил здравицу за царя. Оркестр и хор исполнили “Мравалжамиер”. Пройдя к музыкантам, государь изволил пожелать прослушать грузинскую патриотическую песню “Самшобло”, а также “Алаверди”.

Царь в помещении артистического общества встретился с представителями тифлисского городского самоуправления. Здесь императору преподнесли в дар альбом с видами Тбилиси. В адрес государя прозвучали здравицы. В ответ Николай II, взяв в руки чашу с кахетинским вином, произнес: “Благодарю древний город Тифлис за горячий прием, который я встретил в стенах этого дома. От души осушаю бокал за население Тифлиса и за выше здоровье, господа”.

Николай II был единственным из российских императоров, который вел личные дневники, да еще с 14 лет. Вот как описал самодержец собственноручно четыре дня пребывания в “столице Кавказа” — Тифлисе:

рументами и проплясали несколько танцев; один из них принес корзину фрукт.

27-го ноября. Четверг.

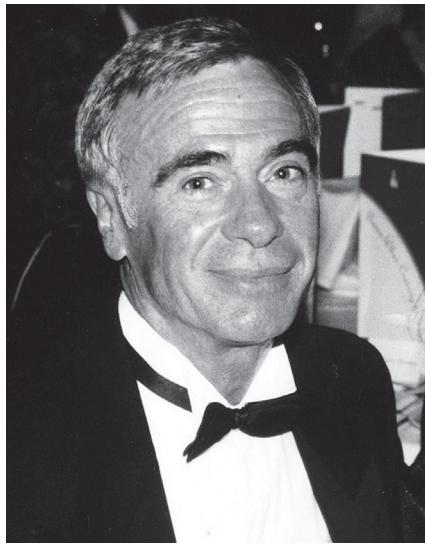
Праздник Нижегородского полка провел в Тифлисе, а полк проводил его в Польше! В 10 час. начался большой прием военных, гражданских чинов, дворянства, городской думы, купечества и депутатии крестьян Тифлисской губ. Погулял в красивом саду 1/4 часа. Принял двух раненых офиц. Нижегородцев и подп. кн. Туманова 4-го стр. И. Ф. полка. После завтрака посетил больницу Арамянца — 180 раненых и лазарет в зданиях не открытой губ. тюрьмы — свыше 600 раненых. Вернулся после 6 час., и пил чай, и сидел с Воронцовыми. После обеда воспитанники гимназий прошли с фонарями и пропели гимн перед окнами дворца. Вечером читал бумаги.

Утром усиленно дочивал бумаги. В 10 час. поехал в военный собор, оттуда в Храм Славы, в Закавказский институт и в женское заведение Св. Нины.

После завтрака зашел в склад

РОДОМ ИЗ ГРУЗИИ

Виктор САНЕЕВ: человек - легенда

Болью отозвалось в сердцах всех любителей спорта известие о смерти выдающегося спортсмена, трехкратного олимпийского чемпиона в тройном прыжке в составе сборной СССР Виктора Санеев, скончавшегося в Сиднее в возрасте 76 лет. Уроженец Сухуми Виктор Санеев является единственным в истории спортсменом, который выигрывал золотые медали на Олимпиадах в 1968, 1972 и 1976 годах. В 1980 году на Олимпийских играх в Москве Санеев стал серебряным призером.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА - СКРОМНОСТЬ И ПРОСТОТА

“Простой русский парень Витя Санеев был человеком исключительной скромности. Он завоевывал золотые медали на самых крупных и ответственных международных соревнованиях, устанавливал рекорд за рекордом, но продолжал оставаться таким же скромным человеком, каким был в самом начале своей спортивной карьеры”, — вспоминает бывший заведующий орготделом Абхазского обкома партии Павел Квачахия.

“На московской Олимпиаде, в день ее открытия на Большой спортивной арене в Лужниках мы с блистательным грузинским плаваном Леваном Тедиашвили, моим соседом по трибуне, увидели Виктора Санеева в новом, очень важном и ответственном амплуа — с факелом олимпийского огня, — вспоминает видный деятель физкультурного и спортивного движения Грузии и СССР, автор книги “Моя жизнь в спорте” Валериан (Сулико) Рогава. — Мы помахали ему рукой, хотя, естественно, понимали: Виктор нас не видит. Сейчас его мысли были заняты другим: как донести без помарок огонь до места назначения.

Символом любой олимпиады является олимпийский огонь. 19 июня 1980 года, ровно за месяц до открытия Игр, он по традиции был зажжён в греческой Олимпии. Так взяла старт эстафета олимпийского огня. Общая протяжённость ее составила 4992 км. 5 июля 1980 года огонь пересёк границу Советского Союза. По территории СССР огонь преодолел расстояние в 2294 км. Предпоследний этап этого длинного пути с олимпийским факелом было доверено пробежать Виктору Санееву. Конечно, мы с восторгом смотрели на него — нашего со-

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

и медные трубы”, а к тому же серьезно травмированного, была уже четвертой. Этот старт для ветерана в секторе для тройных прыжков лужниковского стадиона был уникальным и по своему спортивному накалу и драматизму. Дабы не поддаться эмоциям, продолжу свое повествование словами самого Виктора: “Перед заключительной попыткой подул проклятый ветер. Решил ждать до конца. Остается минута... Остается 20 секунд... 10, 5... Пора! Я рванулся навстречу ветру. Все, что оставалось во мне, выплынуло в этом прыжке. Вонзился в песок и чувствую, что не могу встать. Ну не могу — и все тут. “Виктор вставай, —приказываю себе, —вставай. Не поползешь же из ямы на четвереньках”. Встал и, хромая на обе ноги, проковылял к скамейке. Что было дальше, помню плохо. Меня поздравлял Удмияз, что-то говорил Оливейра, я чувствовал только страшную

режущую боль в коленях. На табло горел мой последний результат — 17.24. Цена серебряной медали”. Таким образом, первое место досталось Удмияз из Таллинна — 17, 35, второе было у Санеева — 17, 24 на третьем — Оливейра из Бразилии — 17, 22.

Воспоминания Виктора Санеева дополнило словами Юрия Михайловича Роста. Замечательный журналист и фотограф, член ряда творческих союзов России, об этом драматическом единоборстве Санеева в секторе для прыжков на московской Олимпиаде, в частности, написал: “Тогда в Лужниках, он боролся за четвертую свою олимпийскую золотую медаль. Я просидел честно в фотокопе всю программу тройного прыжка и наблюдал драматические события своими глазами. Пусть судьи считают, что они правы, что мерили справедливо. Я болел за Санеева, я пристрастен и никого не буду убеждать, что он прыгнул

далее соперников, но в видоискателе моего фотоаппарата, установленного на штативе против ямы приземления, Санеев был ближе всех к правой границе кадра... Тогда, уходя со стадиона, он, виновато и горько улыбаясь, поднял руку, прощаясь со зрителями и соперниками. Мне повезло. Я видел в этот момент лицо Санеева крупным планом и сфотографировал его”

А вот свидетельство грузинской журналистки Сандры Верели: “По идеи этот финальный тройной прыжок Виктора был золотым. Но так как “спортивная верхушка СССР” реально опасалась потерять золото после двух предварительных прыжков трёхкратного олимпийского чемпиона, уступавшего немногому бразильскому легкоатлету Оливейре, явно стремившемуся к победе, то эстонскому атлету Яаку Удмияз заранее приписали победные сантиметры...”

Стр. 6.

ПОКОЙСЯ С МИРОМ, ДОРОГОЙ ДРУГ!

Из заявления Национального Олимпийского комитета Грузии:

“После ухода из большого спорта Виктор Санеев в последние 30 лет жил с женой Татьяной Хварцкия и сыном Сандро в австралийском городе Сиднее. 2 января 2022 года он скончался в возрасте 76-и лет. В одном из интервью, взятом у него в конце прошлого века, Санеев сказал, что, конечно же, предпочитает, чтобы его, когда придет время, похоронили на родной земле. Грузинское государство выразило готовность выполнить это желание. Национальный олимпийский комитет Грузии от имени министерства культуры, спорта и по делам молодежи Грузии и мэрии Тбилиси предложил его семье перевезти тело Виктора Санеева в Грузию и похоронить его в Пантеоне общественных деятелей. При этом семье сообщили, что грузинская сторона готова взять на себя все необходимые расходы. В ответ на это предложение жена Виктора Санеева Яна Хварцкия направила президенту Национального олимпийского комитета Грузии, олимпийскому чемпиону Лери Хабелову письмо с благодарностью, в котором, в частности, написала: “Сандро и я очень ценим сочувствие и поддержку, которые выражены со стороны Грузии в эти дни. Мы оба благодарны министерству и мэрии Тбилиси за их готовность похоронить Виктора в Пантеоне. Виктор, дороживший своей принадлежностью к грузинскому спорту, был бы очень благодарен за такое признание его личности и заслуг. Мы обсудили ваше предложение в семье и приняли непростое решение — не реализовывать его. Причина в том, что наша семья сейчас живет в Сиднее, наше путешествие в Грузию, особенно с учетом моего возраста, будет становиться все более и более сложным, и мы не сможем посещать его могилу так часто, как нам бы хотелось. Большое спасибо за ваше понимание”.

Похороны Виктора Санеева состоялись 5 января в Сиднее.

Ко многим другим венкам, возложенным к гробу великого советского спортсмена, присоединился и похоронный венок, отправленный на зеленый континент Национальным олимпийским комитетом Грузии.

Таким образом, земная жизнь Виктора Санеева закончилась в далекой Австралии. Отныне он переходит в бессмертие, где ни пространство, ни время ничего не значит.

ГЕНЕРАЛ, ПОЭТ, ГОСТЕПРИЙНЫЙ ХОЗЯИН ДОМА В ЦИНАНДАЛИ

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

←
здесь встречались представители русской литературной элиты: Александр Грибоедов, Владимир Одоевский, Яков Полонский, художник Григорий Гагарин и др. По предположению ряда исследователей (Г. Леонидзе, Л. Асатиани, И. Андроников, В. Шадури), в салоне А. Чавчавадзе побывали также А. С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, а великий русский писатель А. С. Грибоедов, как известно, породился с семьей А. Чавчавадзе, женившись на одной из его дочерей — Нине. Брак, увы, оказался недолгим. - Русский посланник Грибоедов, как известно, был зверски убит в Персии разъяренными фанатиками. 16-летняя Нина Чавчавадзе, оставившая на могиле своего мужа — А.С. Грибоедова в Тифлисе надпись “Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?”, узнав о трагедии, прошедшей с супругом, потеряла и ребенка, которого в то время вынашивала, и всю жизнь провела в трауре.

Впрочем, литературный салон в Цинандали продолжал жить. Многие из грузинских и русских писателей и поэтов впервые читали здесь свои литературные произведения, делились мыслями и взглядами с близкими себе по духу людьми.

А. Чавчавадзе является зачинателем грузинского романтизма. Проведенные в Петербурге молодые годы сыграли важную роль в формировании его литературно-эстетических взглядов. В России А. Чавчавадзе, воспринял передовые взгляды эпохи и приобщился к новой прогрессивной культуре. Его творчество проникнуто гуманистическими идеями, он клеймит неравенство и порабощение человека человеком. Но особенно хороши его анаkreонтические стихи, которые были весьма популярны в свое время в Грузии и нередко исполнялись народными певцами-сазандарами, в устах которых звучали как плод народного творчества.

Прекрасно владея грузинским,

русским, французским, немецким и персидским языками, Александр Чавчавадзе одним из первых осуществил блестящие переводы на грузинский язык произведений

Пушкина, Одоевского, Ляфонтена, Расина, Гюго, Гете, Вольтера, Корнеля, Саади и Гафиза.

Жизнь Александра Чавчавадзе оборвалась трагически. Увы, отважный генерал, участник сражения под Лейпцигом и взятия Парижа, прекрасный поэт, администратор, которому родной край

во многом обязан своим возрождением, гибнет нелепой смертью. На горной дороге лошади неожиданно понесли, генерал, направлявшийся на встречу с наместником, выпрыгнул из экипажа и разбился насмерть. Это произошло 6 ноября 1846 года.

Газеты поместили прочувствованные некрологи, в одном из них с прискорбием отмечалось: “Служба потеряла в нем достойного генерала, Тифлис — культурного гражданина и примерного семьянина, Грузия — выдающегося поэта”. И действительно, грузинские критики ставят очень высоко поэтический талант Чавчавадзе. Муза его, соединявшая в себе обширное европейское образование с духом истого гру-

зина, поражает своим разнообразием:

Останки А. Чавчавадзе были торжественно перевезены в родную Кахети и преданы земле в церкви монастыря, красующегося на живописном горном плато Шумата. Скромная эпитафия с фамильным гербом и датами рождения и смерти высечена на мраморной могильной плите, напоминающей о славной жизни и печальной части поэта.

Рок наложил отпечаток и на дальнейшую жизнь членов семьи Александра Чавчавадзе.

В 1854 г., в разгар Крымской войны, брат Нины Давид теряет трехмесячную дочь Ли迪ю, когда горцы похищают его жену с маленькими детьми из родового имения, сожженного дотла.

Ситуация развивалась так. Ожидая набега горцев, князь Давид, дав указание готовиться к отъезду, выехал проверить аванпосты. В имении находилась жена главы семейства внучка последнего грузинского царя Георгия XII Анна с детьми, её сестра Варвара Орбелиани с

поминания о жизни в плену, быте гарема Шамиля и о нем самом. Именно здесь она нарисовала знаменитый портрет Шамиля, который находится в музее Чавчавадзе в Цинандали.

Царь пошел на условия имама. Обмен состоялся в селе Хасав-Юрт 10 марта 1855 года, уже после смерти Николая I. Но деньги семье Чавчавадзе пришлось собирать самой. Помогли друзья и общественные сборы. Князю Давиду пришлось взять огромный долг в государственной казне, продать имение, в котором царь сделал свою резиденцию. Только через 6 лет семье Чавчавадзе частично возместили материальные потери - князь Давид стал генерал-майором с назначением в свиту царя. Умер он в 1884 г. в Тифлисе 67 лет от роду. Его жена прожила до 1905 г. Среди детей, побывавших вместе с матерью в плену у Шамиля, была и пятилетняя Мария. Когда девочка выросла ее выдали замуж за дальнего родственника князя Закария Чавчавадзе. Ее внук женился на правнучке Николая I княжне Нине Романовой. Мать княжны была греческой принцессой, так что Нина приходилась двоюродной теткой мужу английской королевы Елизаветы II — принцу Филиппу Эдинбургскому и испанской королеве Софии. В ее сыне Давиде Чавчавадзе, который четверть века проработал в ЦРУ и похоронен на Арлингтонском кладбище, пересеклись гены Багратионов, Романовых и Чавчавадзе.

Гиули АНАСАШВИЛИ.

На снимках: интерьер усадьбы; Нина Чавчавадзе; Анна и Давид Чавчавадзе; имам Шамиль (портрет работы Анны Чавчавадзе).

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

ПОКЛОН

В тот день и час, когда Виктор завоевывал свою четвертую олимпийскую медаль, я сам работал в Битце в качестве заместителя главного судьи соревнований по современному пятиборью. При всем желании я не имел права оставить порученный мне участок. Единственным утешением являлось то, что ранее я уже имел возможность видеть выступления этого легендарного спортсмена, из которых более всего запомнился его рекордный прыжок. Случилось это вскоре после Олимпиады в Мюнхене. В октябре 1972 года по календарному плану Спортивного комитета СССР в Сухуми проводился традиционный розыгрыш

←
Да, на последний прыжок Виктора Санеева уже никто не рассчитывал.

Никто, кроме его самого...

Но он знал, что сможет показать лучший результат. И показал его всему миру!

Ещё на пьедестале почёта в Москве, Оливейра публично жестьми, а потом в своём интервью дал всем понять что истинный чемпион Олимпиады - Виктор Санеев. Удмияне лишь на юбилее Виктора Санеева в Тбилиси много лет спустя назвал своего кумира чемпионом.

А ведь, если бы Удмияэ защищали его реальный результат, то он вообще-то и в тройку призёров бы не попал.

Но Виктор Санеев не страдал

от того, что лавры чемпиона перешли тогда к молодому, малоизвестному в спортивном мире соотечественнику, который тоже, как и он сам, защищал честь советского спорта...".

Думаю, что мои комментарии в этом случае могут оказаться не к месту. Лучше расскажу о том, что мне известно из прессы. На самом деле, на заключительной пресс-конференции, бронзовый призер Олимпиады бразилец Жоао Карлос ди Оливейра, поздравляя Яака Удмияэ с золотой олимпийской медалью, сказал, что абсолютным чемпионом мира среди прыгунов он все же считает Виктора Санеева. Со своей сторо-

ны Яак Удмияэ добавил: "Я согласен с Оливейрай: то, что сделал Санеев, никто из нас повторить не сможет". К этим словам от себя могу добавить следующее: пройдут года, возможно, Игры поменяют свой формат, идеологию, содержание, но память о Санееве, о его уникальном таланте и выдающихся достижениях в спорте будет жить всегда. Более того, она перейдет в разряд героических мифов о спорте и легендах современного Олимпийского движения.

К сожалению, на московской Олимпиаде я не имел возможности быть свидетелем очередного подвига, совершенного Санеевым.

"Кубка Санеева", который был учрежден после первого олимпийского успеха Виктора в 1968 году в Мехико и проводился с 1969 года. Мне посчастливилось быть свидетелем установления Виктором Санеевым мирового рекорда, равного 17 метрам и 44 сантиметрам(!). Символично, что рекорд, который получил сухумскую "прописку", стал своеобразным свадебным подарком Виктора своей супружной - Татьяне Хварцаки, студентке Тбилисского медицинского института. В том году Таня и Виктор в лучших национальных традициях грузинского народа сыграли в Сухуми свадьбу и образовали семью".

Анна АКОПАШВИЛИ.

ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА, СОЕДИНЯЮЩАЯ БЕРЕГА**“И капля каждая стоцветным
переливом в природной красоте
горит великим дивом”**

Вот строки из стихотворения Александра Чавчавадзе “Кавказ”:

“Но время пришло, и к расселине узкой
Явился воспитанный в армии русской
Герой Цицишвили, и Терек смирил,
И в скалах широко врата растворил.
И армия Севера в славе железной
Шагнула на кряж и, не дрогнув над бездной,
Кремневую молнию сжала рукой
И склеп раскрошила солдатской киркой”.

Далее в произведении возникает образ могучего Прометея, скованного недоброй волею. Полагают, что древнегреческим миф о Прометеем был создан под влиянием древнейшего грузинского сказания об Амиране. Поэтому не случайно, что этот образ, воплотивший лучшие черты свободолюбивого грузинского народа, скованного мрачными силами самодержавия, неизменно увязывался с Кавказом. Именно так интерпретируется образ Прометея в стихотворении близкого декабристам поэта В. Г. Теплякова (“Кавказ”), в “Путевых записках” А. С. Грибоедова, в великолепном антисамодержавном творении Т. Г. Шевченко “Кавказ” и др. Эти произведения в определенной мере роднятся со стихотворением А. Чавчавадзе не только по тематике, но и по своей идейной концепции.

В своем “Кавказе” А. Чавчавадзе выявил глубокое понимание прогрессивного значения союзнического трактата Грузии с Россией, который принес стране обновление. Широкими мазками нарисовав могущество русских воинов, которым покоряются даже недоступные испокон веков скалы, поэт подчеркивал, что сила эта применяется не в военных, а в мирных целях, направлена на благоустройство страны. Таким образом, А. Чавчавадзе предстает в “Кавказе” не только как блестящий мастер пейзажа Военно-Грузинской дороги (в первой части стихотворения), но и как певец творческого созидательного труда. Причем, характерно, что тему победы человека над природой, тему победы над мрачными силами, сковывающими Прометея, поэт тесно увязывает с вопросом культурно-политической ориентации Грузии, приветствует единение своей родины с Россией, решая, таким образом этот вопрос именно так, как решали его передовые деятели русского и грузинского народов (А. Грибоедов, А. Пушкин, М. Лермонтов, В. Одоевский, Я. Полонский, Н. Бараташвили, Гр. Орбелиани и др.). Такое единомыслие лучших сынов двух народов следует объяснить, главным образом, общим направлением, общей прогрессивностью их взглядов.

Та интерпретация, которую дал А. Чавчавадзе теме Военно-Грузинской дороги, становится господствующей в грузинской литературе. Здесь мы не столь часто встречаем восторженно-красочные описания (для грузинских писателей все это было привычно, хорошо знакомо). Весь акцент переносится на социально-политические, философские и эстетические проблемы.

А. Чавчавадзе в том же стихотворении “Кавказ” так передал свои впечатления:

“Край дикой прелести таинственной природы,
Как непрерывный пот твои струятся воды —
То реки грозные, срываюсь с мощных плеч,
В долины дальние к полям стремятся течь.
Он горы на хребте своем вознес на горы.
Тысячелетний снег грозит открыть просторы
И если скатится одна из тех громад
Услышишь ты тогда, увидишь белый ад...
Но солнце мирное восходит над Кавказом,
Окружено венцом, оно сверкнет алмазом
В тысячегранных льдах и водяной пыли,
Чтоб брызги золотом и радугой цветли,
И капля каждая стоцветным переливом
В природной красоте горит великим дивом.
Благоуханные на пастбищах цветы
Зовут к себе зверей спуститься с высоты.
Выходит медленно олень из темной чащи,
И встречи не страшась с охотником разящим,
Он вниз глядит, склонив ветвистые рога
Над родиной громов, где тают облака”.

В начале 1801 года в Петербург выехали члены грузинской царской семьи — Иоанн, Баграт и Михаил Багратиони.

Их сопровождала свита в количестве 25-и человек, в том числе один из адъютантов Иоанна Багратиона — Габриэл Бежанович Ратишвили, который описал это путешествие, назвав свое сочинение “Небольшой рассказ о России”. Это было первое грузинское произведение, содержащее богатый материал о жизни России того времени.

“Небольшой рассказ” Г. Ратишвили носит дневниковый характер. Основное внимание в нем уделяется России. И тем не менее он вызывает интерес и как яркое краткое описание Военно-Грузинской дороги.

Первую остановку путешественники сделали в древней столице Грузии. “В сумерках приехали в Мцхета, — пишет Ратишвили. — Ночью почивали там и, встав поутру, взошли в святейшую церковь,... помолились святым и, преисполненные благодати, сели на коней и отправились в Мухрани, где отстояли молебен и, получив благословение, вновь сели на коней, поехав далее”. По пути они ночевали в Ламискане, в Ахалгори, в “небольшом селении Икоти” и в Ананури. “...На следующее утро, — читаем далее, — взошли в святую церковь и приложились к иконе Ананурской Богоматери. Выйдя оттуда, сели на коней и отправились, и в ту же ночь прибыли в Кайшаури, а на следующее утро, рано встав, отправились на гору, покрытую снегом, который сильно украшал ее, и было не очень морозно. Достигнув места, именуемого Крестовым, повстречали русских воинов, направлявшихся в Грузию... Заночевали в Степанцминде. Принимали нас здесь очень хорошо... Поутру отправились в путь по худым дорогам, кремнистым и покрытым (текучею) водою, а из этой воды, называемой торусской водой, в дальнейшем образуется Терек, через который пролегло двадцать два моста... Двигаясь далее, достигли мы осетинского селения Ларса...”. Отсюда путь лежал в Россию.

Столь же кратко, но интересно описал свое путешествие по Военно-Грузинской дороге в 1810 году Теймураз Георгиевич Багратиони. Он направлялся в Петербург, где, постигнув “тайства многих наук”, занялся плодотворной литературной и научной деятельностью. В самом начале 1820-х годов он перевел Пушкина на грузинский язык (это был один из ранних переводов великого русского поэта на другие языки вообще) и, как полагают, лично был знаком с ним. В Петербурге, где Т. Багратиони прожил до конца своей жизни, он написал ряд крупных научных работ, за что в 1837 году был избран почетным членом Российской Академии наук (был первым грузином-академиком).

В дневниковых записях Т. Багратиони говорится и о Военно-Грузинской дороге, которая оказалась для него дорогой к науке, ко всеобщему признанию. Вот эти записи: “Года 1810, октября 16-го, воскресенье. Выехал из Тбилиси. В тот же день прибыл к берегам Арагви,... в Джикураулткари.

17-е. Прибыли в Ананури, 18-е — в Пасанаури, 19-е — в Кайшаурткари, где виделись с мтиулетским моуравом Соломоном. Здесь, в эту ночь, занемог я и мы остались тут и на следующий день.

21-е. Перевалили через горы, перешли высокие нагорья Гуды, и прибыли к Кавказу, узрев крест, воздвигнутый на самой вершине горы.

И перешли те места, где (родятся) обвалы.

И узрели места, где рождаются воды еще малого Терека и где бьют поблизости родники с кислую и очень полезительную водою, и испил я из них. И прибыли мы в день сей в Копи, и остановились в доме, воздвигнутом русскими.

22-е. Прибыли в Степанцминду, где встретил нас Габриэл, сын Казибеков со племянниками Иосебом и Свамукою.

В тот же день по пути видели монастырь малый, в котором в горах близ Степанцминды обитает отец - монах Бесарион Павленишвили со братьями, и Бесариона того повидали там.

В Степанцминде есть пристанище для путников и дома местных жителей.

23-е. Проехали узкие дороги, называемые Бахтиром и врата Дариела и прибыли в Ларс, где стоят две роты Русского мушкетерского полка. Встретил нас подполковник Лаптев.

24-е. Прибыли во Владикавказ...

В 1831 году со специальным заданием главнокомандующего кавказскими войсками в Петербург по Военно-Грузинской дороге отправился выдающийся грузинский поэт-романтик, видный государственный, общественный и военный деятель Григорий Дмитриевич Орбелиани. Свою поездку он описал в большом прозаическом произведении “Путешествие из Тифлиса в Петербург”, проникнутом свободолюбивыми, антидеспотическими идеалами, глубоким уважением к освободительным и патриотическим подвигам русского народа. Следует отметить, что “Путешествие из Тифлиса в Петербург” близко по духу как “Путешествию из Петербурга в Москву” Радищева, так и произведениям декабристов, проникнутым республиканскими идеями. Поэтому неудивительно, что, когда Гр. Орбелиани был арестован за участие в антиправительственном заговоре 1832 года, это произведение, найденное при обыске, было приобщено к его судебно-следственному делу. “Путешествие” Гр. Орбелиани было опубликовано только в советское время.

Как явствует из произведения, маршрут поэта проходил через Мцхета, Душети, Ананури, Пасанаури, Каи-Шаури, Коби, Казбеги, Ларс, Дарьальское ущелье, Владикавказ. Все путешествие длилось с 9 по 18 июня.

Следует отметить, что Гр. Орбелиани описывает не столько пейзаж, сколько выражает мысли и настроения, которые пробуждаются в нем при посещении той или иной достопримечательности. К примеру, говоря о Мцхете, он лишь мельком касается “величавого и святейшего для иверцев” собора, и то для того, чтобы обратить все внимание на могилу Ираклия II, сыгравшего, как известно, исключительно важную роль в деле подписания союзнического трактата Грузии и России. Воспользовавшись случаем, Гр. Орбелиани высказывает свою точку зрения на грузино-русский вопрос, воздает должное памяти Ираклия II, подчеркивает, что его великие деяния по-настоящему поймут и оценят потомки. “Невольно, — читаем в “Путешествии”, — на глазах моих простили слезы. Когда узрел я могилу царя Ираклия, вместе с которым покоятся величие и извечное благодеяние иверцев... Эти слезы... были последней данью тому, кто возвеличил Грузию.

— Доблестнейший муж! Всепоглощающее время не в силах затмить величия твоих деяний, которые проявятся в веках, несущихся к звездам; и эта, ныне полузабытая, неубранная (цветами) могила твоя, в грядущем будет окружена всеобщим почитанием”.

То же самое можно сказать и о других достопримечательностях. В Душети внимание Гр. Орбелиани привлекает древняя надпись на мраморной плите, вмурованной в стены бывшего дворца Джимшера Эристави; в Ананури — роспись церкви, расположенной внутри крепости и т.д. Но это не значит, конечно, что блистательный поэт остается равнодушным к красоте природы. Тут и там встречаются в “Путешествии” пейзажные зарисовки, выполненные рукой большого мастера. Вот одна из них: “У Ананури мы вновь повстречались с Арагвой; узкая дорога вьется по правому берегу реки, в очень глубоком ущелье. Справа и слева виднеются разбросанные на высоких горах села мтиульцев. В пути застала нас ночь. Все вокруг было погружено в тишину, и только Арагва с шумом неслась по камням. Человек, очнувшись лицом к лицу с этой прекраснейшей природой, невольно умолкает и предается раздумиям. Свет луны, с трудом пробирающийся к нам в глубину пропасти, задумчивость рощ и лесов, шум Арагвы, — все это возбуждало чувства и принуждало уста к молчанию”.

ДОСЛОВНО!

Грузия... Какой вы ее знаете? Что о ней слышали? Какой запомнили? Какие события вашей жизни с Грузией связаны? Какую черту характера ее народа вы могли бы выделить?

Любопытную историю рассказал один из друзей Владимира Высоцкого Артур Макаров:

“После смерти Владимира Семеновича Высоцкого остались его долги (38 тысяч рублей) друзьям, товарищам и знакомым. Продав обе машины Володи, я выплатил их, и все друзья, товарищи и знакомые – в том числе и Э. Володарский – эти выплаты приняли. Один друг, мало того, что я ему заплатил то, что Володя был ему должен, – 5000, по-моему, – так он прислал своего адъютанта: “Артур Сергеевич, Вадим забыл, что 700 рублей как-то Володе давал”.

Лишь скульптор Зураб Церетели отказался получить долг в пять тысяч рублей, (сказал: пусть останутся сыновьям), заметив при этом, что в Грузии, если умирает друг, то в его семью деньги несут, а не выносят”.

А вот еще несколько писем на эту тему:

Как мы пепи "Тбилиси"...

Два года назад мы с женой впервые отправились в Грузию, страну, в которой я ранее никогда не был, но с детства мечтал побывать. Мы летели в самолете с мыслями, отведать местных деликатесов, погулять по Тбилиси, увидеть древние монастыри и красивую природу. Но вот в аэропорту (а приземлились мы ночью) мы столкнулись с неожиданными трудностями. Мы никак не могли найти русскоговорящего человека. Нонсенс, конечно, но вот так получилось. Мы потратили кучу времени и нервов в поисках места продажи SIM-карты и человека, который поможет вставить ее в телефон. Потом, уставшие и сонные, мы долго искали место нашей дислокации в городе...

В общем, пережив небольшой стресс в наше первое грузинское утро, мы отправились искать магазин, чтобы купить какой-нибудь еды. На улице я заметил, что, когда мы с женой разговариваем по-русски, некоторые прохожие оглядываются на нас. Мне стало неловко. “Может, потому что, это пригород, – подумал я, – поэтому чужаки и туристы здесь редкость?”

Но вот мы заметили маленькую пекарню, где продавали свежеиспеченный лаваш. Людей вокруг – никого. Запах – отличный. На входе – мужчина лет 60 и два молодых здоровых парня. Они с угрюмыми лицами смотрели в нашу сторону. Их внешний вид немного отпугивал, но голод всё-таки поборол нашу неуверенность.

– Давай зайдём, но говорить по-русски не будем, – предложил я жене, – ты просто молчи. А я буду говорить с ними на английском. Быстро закупимся и – домой. Жена согласилась.

– Good morning, – обращаюсь я к хозяину, войдя внутрь.

– По-русски говоришь? – с ходу переспрашивает он.

– Да, конечно, – опешив, отвечаю я.

– Меня зовут Гия, проходи, садись, – говорит он, указывая на небольшой круглый столик,

– Нет-нет, что вы, мы только хотим купить два лаваша. Сколько это стоит?

– Ты домой придешь – хлеб остынет, а этот надо есть прямо из тонэ (грузинская печь в которой пекут хлеб). – Авт.) Садись!

– Но другие же как-то покупают, – нерешительно возразил я.

– Они рядом живут, – сказал Гия, – садись, поешь! – и протянул мне блюдце с каким-то зеленым соусом.

– Это мой ткемали, такого в

магазине не купишь! – объяснил Гия.

Я хотел было твердо заявить, что мы не сядем, ножка замялась, дома еды не было и голод нас опять поборол. “Ладно, – думаю, – позавтракаем...” Мы сели и стали руками есть свежий хлеб с любезно предоставленным соусом ткемали. Было очень вкусно. В этот момент Гия что-то крикнул на грузинском своим парням и подсел к нам. Пока я осознавал, что происходит, молодой человек принес тарелку нарезанных овощей и поставил на наш стол.

– Мы это не заказывали, сколько все это стоит? – спрашивала его.

– Два лари дашь мне за хлеб, остальное – от меня.

– В смысле, от меня? – опять опешил я.

Тем временем второй парень принес бутылку с мутной светлой жидкостью и несколько рюмок. Теперь, уже опешив окончательно, я только спросил:

– Это чача?

– Да, чача, – ответил Гия, – попробуй, тоже сам делаю.

– Неудобно как-то, – говорю я,

– мы просто зашли купить хлеб...

– Ты наш гость, – ответил Гия, а гость – от Господа! Так у нас принято!

В этот момент оба молодых парня подсели к нам за стол, один из них быстро разлил чачу по рюмкам. Тогда я окончательно понял, что сопротивление бесполезно.

– За Грузию и ее гостеприимный народ! – сказал я торжественно и залпом осушил свою рюмку. Остальные проделали тоже самое.

Тут я вспомнил, что у нас в рюкзаке есть вкусные орешки и халва, которые мы привезли нашим друзьям.

– Доставай! – сказал я жене.

– Но это же для...

– Доставай, – повторил я.

Гие и парням наше угоженье очень понравились. Гия снова сказал что-то на грузинском одному из них, и тот отошел.

– Это мои сыновья, Малхаз и Анзор, – сказал Гия, похлопав по плечу Малхаза, который уже наливал по новой.

Вскоре Анзор вернулся с огромной тарелкой, полной свежих хачапури, и... гитарой!

Мы выпили по второй, и Анзор затянул знаменитое “Тбилиси”, причем по-русски, чем меня окончательно добил...

Такой лазурный небосвод Сияет только над тобой, Тбилиси, мой любимый и родной. И Нарикала здесь стоит,

Как память прошлых тяжких дней. Твою главу венчая сединой.

Гия и Малхаз включились в пение в разных тональностях, создавая такое многоголосие, от которого меня пробило вдребезги и из глаз пошли слёзы.

Я молниеносно достал смартфон, нашел в интернете текст на русском и включился с ними в привет:

Расцветай под солнцем,
Грузия моя!

Ты судьбу свою вновь обрела.
Не найти в других краях таких красот,

Без тебя и жизнь мне не мила.

Теперь я заметил слёзы в глазах Гии. Это была настоящая грузинская трапеза с песнями, тостами и вкусной едой. Редко входящие покупатели, чтобы нам не мешать, обслуживали сами себя. Они сами брали, что нужно и тихо уходили, оставляя деньги на прилавке.

Я знал, что грузины – поющий народ, но в тот день “даже листья пели все седой Куре”. Мы просидели так часа три. Мы пели на грузинском, на русском, на английском. Узнав, что мы из Израиля, они нашли слова одной очень душевной песни на иврите “Аф рухи бэ кирби” и спели для нас. Некоторые прохожие останавливались поодаль, чтобы послушать, как мы поём.

Никогда я не чувствовал себя таким счастливым, как на той спонтанной трапезе в чужой стране с совершенно незнакомыми людьми. Никогда столько слез радости не проливал! Нам было так хорошо вместе, что мы не хотели, чтобы это заканчивалось. То и дело мы обнимались, как родные братья. Всё было настолько искренне и естественно, что невозможно описать никакими фразами.

Господи, как же мало нам надо для счастья! Немного открыть другу другу сердца, как это сделали Гия и его сыновья. У грузин это как-то естественно получается. А мы можем и должны брать с них в этом пример! До сих пор вспоминаю широкую улыбку Гии, которой он как бы напутствует меня: “Дружище, не стоит таинить недоверие. Сделай первый шаг навстречу! И ты увидишь, как изменится мир!”

Аарон ГУМНИК,
гражданин Израиля.

Пропавшие открытки

У меня был случай в армии. Служил я в Германии в Западной группе войск. Уже не помню откуда (может кто-то из земляков подарил), появилась у меня пачка красивых открыток с видами Тбилиси.

Бывало, что вечерами, с большим удовольствием я их рассматривал. И вот, как-то эти открытки пропали. Ума не мог приложить, кому они могли понадобиться.

Как-то раз группа наших ребят пошла в самоволку – в гаштет. Выпили по кружке пива (стоило это на всех около двух марок), развезло немножко с непривычки. Некоторым еще захотелось. А денег особо-то и нет. Тут один младший сержант встает и приносит ребятам еще по кружке. Все в эйфории, – ура, ура! Тот идет еще за одной партией. Думаю – откуда такая щедрость, что-то с ним не то, давай прослужи. Иду за ним, смотрю, а он за пиво моими видами Тбилиси расплачивается. Рассердился я сильно, но потом отлегло: ради доброго дела, думаю, можно и простить кражу...

Между прочим, мои открытки с видами Тбилиси видимо, крепко связали Сашу Тукало, так звали этого сержанта, с Грузией. После Германии его отправили дослуживать службу в грузинский городок Ахалкалаки. Вот такая история.

Андрей ШИНКАРЕНКО,
бывший военнослужащий.

Авиабилет в Омск

Когда я проходил срочную службу на Дальнем Востоке, буквально на второй месяц пришла телеграмма о смерти отца.

Служил я в стройбате, в котором, в отличии от строевых войск, лететь домой в Омск нужно было только за свои деньги.

Командование части развело руками и порекомендовало найти необходимую сумму самостоятельно.

В результате билет на самолёт я купил на деньги, собранные мне ребятами из Грузии, призванными в часть около месяца назад и сохранившими еще средства, привезённые из дома.

Подчёркиваю, что вместе мы успели отслужить чуть менее месяца и толком друг друга ещё не знали.

А когда я вернулся в часть и попытался отдать собранную мне “всем миром” сумму, то получил ответ, что в Грузии за такую помочь денег не берут.

Виктор ЧЕПЕЛЕВ,
офицер запаса.

ПРИМЕЧАНИЕ: В логотипе приложения (стр. 1) – изображения равноапостольных святых: царя Мириана и царицы Наны, а также великого князя Владимира и великой княгини Ольги, при которых в Грузии (IV в.) и на Руси (X в.) приняли христианство.